

АНДРЕЙ РАПУТО

ДВИЖЕНИЕ РУК,
НАШИХ СЕСТЕР
НАВСЕГДА

стихотворения

Андрей Рапуто

**Движение рук наших
сестер навсегда**

«Издательские решения»

Рапуто А.

Движение рук наших сестер навсегда / А. Рапуто —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-938909-1

Поэзия Андрея Рапуто интересна своей искренностью и подлинностью лежащих в ее основе чувств. Автор не ограничивает себя рифмами и пробует свои силы в свободном стихосложении. Используя различный поэтический инструментарий, автор раскрывает свое отношение к современной причудливой реальности, реализует в своих стихах синтез визуальных образов и поэтического слова. В книге все иллюстрации выполнены автором.

ISBN 978-5-44-938909-1

© Рапуто А.
© Издательские решения

Движение рук наших сестер навсегда

Андрей Рапуто

© Андрей Рапуто, 2018

ISBN 978-5-4493-8909-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Запахнет солью бриз из полнолуний

Мы ведь не знаем

Мы ведь не знаем,
что реки текут вспять,
что израненные корабли возвращаются в гавань,
где родились из металлической пены земли,
из слез электрической сварки,
из рабочих рук с обломанными ногтями,
прямо из под тощих коров,
которые возвращаются в теплый хлев,
из радости их телят из которых делают пирожки.
Корабли возвращаются,
улавливая направление на звезды,
оставив сомненья свои в далеких и теплых морях.

Мы ведь не знаем,
что порог нашего дома давно поистерся,
все ждущие милостыни от будущего,
как всегда, в который уж раз захваченного проходимцами.
Мы ведь не знаем,
что родились совершенно случайно,
и, наверное, зря,
и все ищем, все ищем порядка в насмешках,
оправдывая каждый исход свой и славословие,
тем,
что иначе и быть не могло,
мол обстоятельства создали нас такими.
А напрасно, напрасно не знаем,
ведь придется узнать и открыть,
и действовать так, как нас учат герои,
то есть самым будничным образом,
именно так,
как воцаряется зной и привычно
плещет кровь по пространствам артерий.

Мое упрямство – не хочу погибнуть

Мое упрямство – не хочу погибнуть,
тьма станет злее близкой темнотой,
и памятником будет ей воздвигнут
пустой сарай, действительно пустой.
Большие щели, ветер сатанеет,
глухая мгла – лишь звездочка вдали,
и та уже, наверно, околет,
не в силах дотянуться до земли.
Сырой сарай – злой символ откровенья,
холодный ветер – символ пустоты,
закрывать глаза, обманывая зрение,
пусть видят сны нездешней красоты.

Если вам скажут, что нет меня

Если вам скажут, что нет меня —
не верьте, я все живу,
в детских мечтах, морях,
в деревьях в багряном дыму.
Яркими красками выстлан дом,
и даже поверь – голова,
ветер гоняет насмешки в нем,
там вместо стекол – вода.
Утренней милости хотел попросить —
да только не знал – у кого,
вижу – вокруг поднялись города, и много еще чего.
У этой забавы много забот,
почему же не спросишь – чьих?
Значит, не вышел еще мой век,
который от сих до сих.

Есть сила в невозможнейших метафорах
сплавлять чужие чувства и слова,
и сколько б вы над строчками не плакали,
морщинками покроетесь едва ли.

Движение рук, наших сестер навсегда

Отчаяние, ищущее человеческого тепла,
движение рук, наших сестер навсегда,
ветки акации дивной,
струи косога дождя,
робкая поступь тумана за речкой,
мои сны о войне мешают мне жить,
чьи-то шаги за стеной становятся ближе и ближе,
екнуло сердце и замерло,
как голый птенец на ладони беды,
в глубоких ущельях скорби, в морщинах и ссадинах жизни,
мой верный огонек потух, не дождавшись награды,
как боюсь я открыться тому, кто окажется рядом.

Просыпаюсь вдруг

Средь ночи
просыпаюсь вдруг,
всё мысли, мысли,
никак свой не закончат круг,
в башке повисли.
Казалось бы,
чего страдать,
ведь все известно.
Но раскаленная кровать
вдруг стала тесной.
Откуда-то слышны шаги,
но слишком рано.
Смотрю в окно —

опять ни зги
в век этот странный.
Хоть в лоб,
хоть по лбу —
все равно
не будет счастья.
Долдон на площади стоит
знак самовластья.

Мы ищем форму – форма ищет нас

Мы ищем форму – форма ищет нас,
когда бы мы не спрашивали утро
о новом дне, в наряде перламутра,
вот новый день пришел
и пробил судный час.
Как птица, засидевшись на застрехе,
так мы взлетим, устроившись на эхе
простор встречая на потеху глаз,
которых ждут и не дождутся жесты,
ты думаешь – беда тебе невеста и чувством весь промок,
как дождь усталый, пролитый путником на плащ,
вор запоздалый
во тьме возник, но вору невдомек,
что вечно плачут ивы,
на берегу реки, такой красивой,
что хочется кричать, но не от боли,
она уже прошла, а от той роли
которую играешь не спеша.
Тот жест, затмение, тот удар, заклятье,
ко мне прилипло как заплатка к платью,
пришита дратвой, чувствуешь, грубей,
не может быть.
Остановись, вздохни, замолкни, хватит,
подхватит ветер, скоростью накатит,
за новый, дивный мир в кармане
заплатит тот, кто прожил на диване.

Остались листья, полные прохладой

За тем дождем, дыханье затая,
остался вечер со своей любовью,
остался отзвук тихий сентября,
остались листья, полные прохладой,
как будто капель кончен разговор,
остался я с не выученной ролью,
беспомощной, обернутой во вздор
моей мечты, до жути битой молью,
там мой кумир изнеженный живет,
и прядь весны до времени терзает,
как будто новый век ему мешает,
в начало век спешит, в неведомый простор,

и сквозь слова, как вор, ко мне пробилось
воспоминанье, нежное, как дым
и в рифму об пол вдребезги разбилось
закончив с на осколках долгий спор.

Пусть снова рвется нить

Останьтесь здесь, нам горизонт науки
укажет невозможность трудной цели,
у нас давно уж ничего не получалось,
а на губах ответ зовет ответа
тяжелыми и грязными словами,
которые не то, чтоб затерялись,
но сгнули, как тени, до рассвета.
Останьтесь здесь, нам не дано понять
в долине тесной сомкнутых желаний,
хотеть иль не хотеть,
чтоб жидкий пламень
стирал огнем остатки упований.
Здесь ветер дальний полный откровений
на шаткой сцене верно служит мне,
его израненной рукой запретный гений
тревожит мысли в подлой тишине.
Так, смело выдвигаясь, рвутся скалы
навстречу мгле бушующего моря,
так мглой объята мгла, и неумолчно
звучат во мгле бубенчики нирваны.
Пусть снова рвется нить, пускай проклятья
достойны все дела и все рожденья,
пускай как волки рыщут в поднебесье
сыны измены, двоедушья братья,
падут на землю в страхе перемены,
как гроздь зла в глубокий омут душный,
пускай опять захочется заплакать
от немоты своей холодной и от боли,
пускай мои ладони прикоснутся
к седым вискам и горькими от соли

разломают хлеб, что в бедствии положен,
и убедятся все,
не важно,
в какой роли,
что результат,
что результат ничтожен.

Здесь, как в кристалле

Здесь, как в кристалле, здесь есть все,
и краски и слова,
а может, что-нибудь еще —
пустая голова,
и камни, что не перечсть, и подлая молва,
и бег в мешках, что не присесть,
и новая глава.
Здесь наказание и труд, который перетрут,
былье крапивой заросло, остался неуют,
остался вечный неudel,
что полон неудач,
осталось то, что не успел
в обилии задач,
остался стыд за свой позор,
хотя – он был давно,
остался страх – наперекор,
а дальше—все равно.

К исходу мы приходим темной ночью

К исходу мы приходим темной ночью,
когда все спят и кошки теплой массой
ложатся нам на грудь, чтобы согреть нас,
как будто мы об этом умоляем,
и небо за окном молчит в раздумье,
светать пора уж,
сладко в сонной неге

еще дремать вполглаза, как на страже
того, что не открылось в сновиденьях.
Тогда конец, и хватит уж об этом,
пустых вопросов кончилось заклятье,
и кажется – мы снова стали братья,
и ветер в головах,
один лишь ветер.

Ты – бесконечность

Ты – бесконечность, милый друг, поверь,
вполне себе дурная бесконечность,
и радуйся, что плен уже везде,
плен глаз, проклятий, слуха, сновидений,
распятий, яда, глупости, видений,
знакомый мой, неутомимый гений,
он только что подсказку мне принес
в своих обманах твердый, как утес,
и опрокинулся – не он, а день потсылый,
тот подлый день, который занесло,
забытым руслом, как снегами стаю,
что пробегала, как река, под сваи,
сказанием богов, что в пересказе,
добиться ничего не могут,
помоги!
И храбрость духа страстью сбереги.

Протяжно стонут деревья на ветру перемен

Протяжно стонут деревья на ветру перемен,
день и ночь готов целовать глаза им,
готов воспевать им гимны,
готов заклинать их ливни,
пальцами веток обнимать их воздух,
изображая из себя пустое тело,
пытаться сродниться с их пространством,
как дальний родственник облаков,
упавших дождем на землю,
чтобы допьяна напоить росток гиацинта,
цветка, которого никогда не видел, дарил лишь в мечтах,
но не потому, что боялся дарить,
на бегу,
как всегда,
сам себя принимая за эхо.
Но тихо как.
Мои часы не ходят
не потому, что дьявол их заводит,
а потому, что шестеренки спят.

Запахнет солью бриз из полнолуний

Совсем затихли солнечные бури
в остове организма обветшалом,
в гнилых прорехах проблески лазури
дают увидеть парусник усталый.

Пока мой голос тих и речь стозвучна,
Предельны в мире темные столетья,
предплечьем смуглым выжжен символ алый
и непреклонна поступь человечья.

Запахнет солью бриз из полнолуний,
погаснет разгорающийся вечер,
тот парусник из сотканных безумий
в порывах ветра заскользит навстречу.

Минус отчаяние

Брызги ненависти,
Черной ненависти
На белизне снегов моей родины.
Темная речка – отметина среди плоских равнин.
Забвение
В провалах воспоминаний,
И еще раз забвение.

В этом задымленном небе
Русской седой отчизны
Давно уже все прогоркло
И вороны правят тризну.
Нормальных людей не осталось,
Лишь свист по углам сумасшедших.
Недоля в любви призналась,
А не в свиданиях редких.

Бегу, задыхаюсь

Бегу,

Задыхаюсь,
И каюсь, и каюсь,
На свет натыкаюсь,
И вглубь забиваюсь.
Давно позабыто
Мое шито-крыто,
Из дула шиита
Башкой раскаляясь,
Напрасно-прекрасно,
Открыто-убито
И низкое небо над лесом сердито,
И кровь со страницы по прежнему страстно —
Забыто-убито,
Напрасно-прекрасно.
Но если уж честно
По отзываю лестным,
Так жить, насмехаясь
Над временем тесным.
Опасно, ужасно,
Известным – безвестным,
По прежнему пресным,
По прежнему честным.

А потому, что отступать мне некуда

Папа, папа, а почему ты пишешь стихи?
А потому, что отступать мне некуда.
Провидение накажет меня за мои грехи
И будет тогда совсем, ну совсем уж плохо.
Хотя, по большому счету, стихи – лишь труха, ерунда.
Вот и пишу,
И умоляю его (то есть провидение) —
Дай хоть секундочку еще пожить.
И, знаешь, оно соглашается, прямо здесь, у моего порога.
А потом – пустота, ничего,
Беспамятство черное,
Не забыть,
Не выкинуть.
Беспамятство все смелей,
Так что терять мне нечего.
У вечности в запасе еще множество забавных идей,
Одна другой краше,
Всех бы лицом к себе равернуть
И разом всех вычеркнуть, взяв на карандашик.

Есть привкус сладости в извечном увяданье

Есть привкус сладости в извечном увяданье,
В томящей грустью мысли о конце,
В тоске ухода, в радости страданья,
И в серебре, хоть пошло, на виске.
Он в усмиреньях рек под гнетом страха,

Он в тихой горечи увядшего цветка,
Он в невесомой легкости быть прахом
И в бесконечной тяжести песка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.